

Пролог

Лондон, июль 1814 года

Лукас Дрейк, пятый граф Кендалл, был пьян, но только слегка, а вовсе не в дым, то есть вполне прилично держался на ногах, и его не болтало, как три шкота на ветру, когда корабль теряет управление. Лукас десять лет прослужил на флоте и точно знал, как это опасно. Но он не потерял управление. Четыре кружки разбавленного эля в «Любопытном козле» не могли сотворить такое с бравым морским волком. И все же заявление в присутствии трех своих самых близких друзей, что пора уже ему найти себе жену, свидетельствовало о том, что он пьян.

Как и следовало ожидать, все трое: Уорт, Белл и Клейтон — тут же лишились дара речи, и на их раскрасневшихся физиономиях отразилась разная степень тревоги.

Первым пришел в себя Рис Шеффилд, герцог Уортингтон. Уорт мог бы стать прекрасным чело-

веком, но его папаша — упокой, Господь, этого придурка — все испортил. Чрезмерно азартный, особенно когда речь шла о пари или женщинах — как правило, он выигрывал, — герцог наслаждался красивыми изящными вещами и всячески демонстрировал наплевательское отношение ко всему остальному. И только его самые близкие друзья знали, что все это — фасад: Рис относился к себе — и своему титулу — слишком серьезно.

В ответ на заявление Лукаса Уорт вздрогнул, с шумом втянул воздух, тряхнул головой и медленно проговорил:

— Жену? Ты серьезно? Но ведь у тебя нет необходимости ввязываться во что-то столь... постоянное.

— Мы не молодеем, — философски изрек Лукас.

— Ты о чем? — даже оживился Уорт. — В свои двадцать девять мы всего лишь неразумные щенки. Моему благоверному было за пятьдесят, когда я родился.

Вторым на эскападу Лукаса отреагировал Бомонт Белхем, маркиз Беллингем, патриот до мозга костей, то есть до такой степени, что даже попытался отказаться от титула, чтобы пойти солдатом на войну против Франции. Слава богу, ему было отказано: очевидно, монаршим особам не хотелось, чтобы маркизы да герцоги шлялись по

Европе, вместо того чтобы заниматься государственными делами. Вместо этого Белл получил место в министерстве иностранных дел и занимался разведывательной деятельностью — иными словами, делал все от него зависящее, чтобы обеспечить тыл английской армии. Белл был проникновенен, скрупулезен, сосредоточен, и, по мнению Уорта, слишком много работал. С этим Белл охотно соглашался, но при этом советовал Уорту хотя бы денек честно потрудиться на благо страны, вместо того чтобы играть, заключать безумные пари и волочиться за женщинами. Пока, правда, у герцога не возникло желание последовать совету друга.

Пришурившись, Белл сказал:

— Ты уверен, что готов? Прошло всего два года с тех пор, как...

Лукас почувствовал искреннюю признательность к другу за то, что Беллингом не закончил фразу: обсуждать Эмили не хотелось. И, похоже, так будет всегда.

Третьим повернул к Лукасу голову Эван Ферчайлд, виконт Клейтон, который совсем недавно связал себя по рукам и ногам брачными узами и на днях вернулся из путешествия, где проводил медовый месяц. Клейтон обладал научным складом ума и обожал экспериментировать, ему можно было доверить любую тайну. Богатый как

Крез, Клейтон обожал свою жену Теодору и был предан ей как верный пес. Никто бы не подумал, что из их компании он женится первым.

Клейтон воскликнул:

— Слава богу! В нашем полку прибыло. Потом, глядишь, и Уорт одумается.

Лукас сделал очередной основательный глоток из кружки и вытер губы тыльной стороной ладони. В их квартете он играл роль миротворца и доверенного лица. Все они крепко сдружились еще в Итоне, будучи подростками.

Лукас прежде всего думал о долге. Впрочем, так было всегда: он всю свою жизнь старался исполнить свой долг перед отцом, семьей, короной — именно в таком порядке. Годы службы на королевском флоте научили его не бояться тяжелой работы, ответственности и уважению. Смерть от чахотки его старшего брата Карла годом и двумя месяцами раньше научила необходимости выполнять обещания. Перед смертью Карл внес на рассмотрение в парламент разработанный им законопроект и на смертном одре попросил Лукаса отстоять его, поскольку считал это необходимым и для блага их поместья, и для блага страны в целом. Лукас дал обещание. Даже если это станет последним, что ему удастся сделать в этой жизни, он добьется принятия закона о занятости.

Лукас был готов заслонить любого из своих друзей грудью, мог отдать жизнь за страну, прошел бы по битому стеклу ради матери или сестры, но найти жену, которая будет любить его по-настоящему, не из-за денег и титула, не мог, и это выводило его из себя.

Он обвел взглядом своих друзей, взиравших на него так, словно он только что бежал из Бедлама. Правила этикета здесь, в «Любопытном козле», были иными. Паб располагался, как маленькая жирная утка, на углу двух улиц, в довольно далеком от Мейфэра районе Лондона, но все же не настолько — если речь идет о статусе, — как трущобы. Здесь было допустимо то, что немисливо в другом месте: например, напиваться допьяна, вытирать ладонью рот и говорить о поисках жены, не опасаясь, что из каждого угла повывлезают вездесущие мамыши и девицы на выданье — охотницы за богатыми женихами с титулом. С тех самых пор, как Лукас унаследовал титул, его со всех сторон осаждали именно такие дамочки.

— Я не шучу, — продолжил Лукас. — Мне необходим наследник, а для этого требуется жена, только не такая, как все эти курицы. А заняться поисками невесты основательно не было времени — полно работы в парламенте.

— Да уж, ты со своим законопроектом и друзей стал забывать, — усмехнулся Уорт. — Ты прямо одержим им.

Лукас пожал плечами.

— Ну, теперь, когда лорды отложили голосование до осенней сессии, у меня будет больше времени и я могу серьезно заняться поисками подходящей жены, а заодно и набрать необходимые голоса.

— Лично меня в парламент калачом не заманишь, — растягивая слова, проговорил Уорт. — Жалко времени. А все эти обсуждения... такая скука.

Белл устремил на друга насмешливый взгляд и покачал головой.

— Благодарение господу, твое место в парламенте всегда свободно, а то нашей стране пришлось бы туго.

Уорт одарил друзей самой очаровательной улыбкой из своего арсенала, продемонстрировав великолепные зубы. От одной такой улыбки пострадало немалое количество леди.

— Я совершенно уверен, что вы, друзья, справитесь с этой задачей без особого труда. — И он похлопал Белла по спине.

— Но имей в виду, — сказал ему Лукас, когда придет время голосовать за законопроект моего

брата, я лично приеду к тебе в особняк, вытащу из постели и отвезу в парламент.

Белл и Клейтон рассмеялись, а Уорт вздохнул:

— Давайте не будем о грустном. Лучше вернемся к поискам жены для Лукаса, это — куда интереснее. Скажи-ка мне, пожалуйста, тебе сколько лет?

Герцог откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и прищурился, глядя на Лукаса. Тот окинул друга скептическим взглядом и усмехнулся:

— Что-то с памятью, старина. Ровно столько же, сколько тебе, сколько всем нам.

— Вот именно! — снисходительно подтвердил Уорт. — Неужели так уж хочется поскорее надеть хомут на шею.

— Легко тебе говорить: ты ведь никогда даже не задумывался о том, кто унаследует твой титул. — Лукас одарил друга добродушной улыбкой.

Уорт улыбнулся в ответ.

— Не стану спорить, — пожал плечами Рис и послал официантке свою очаровательную улыбку, от которой у него на щеках появлялись ямочки, и заказал всем еще по кружке эля.

— А если серьезно, ты немного опоздал с поисками жены, — вмешался Клейтон. — Сезон уже

закончился. Так что, похоже, шанс свой ты упустил. На следующей неделе парламент уйдет на каникулы, и все разъедутся по своим загородным поместьям.

— Да знаю я, знаю, — поморщился Лукас. — От одной мысли о сезоне у меня мурашки по коже бегут. Всюду эти жеманные безголовые девицы со своими хищными мамашами, жаждущие заполучить богатого мужа для своей дочери. Не хочу искать жену на балах — мне такая и даром не нужна.

— А что, есть другие способы? — с усмешкой поинтересовался маркиз.

— Пока точно не знаю. — Лукас отпил из кружки, причем с каждым глотком его уверенность росла. — Только на этот раз я твердо намерен найти девушку, которая будет любить меня, а не мои деньги и титул.

Разумеется, он говорил о леди Эмили Форсуэл. Лукас никогда не называл ее имени, но друзья знали, что ему пришлось перенести. Он мог делать вид, что ему безразлично, только все равно не мог их убедить, что эта леди не разбила ему сердце. Впрочем, особенно горевать у него не было времени: вплоть до сегодняшнего дня Лукас был занят работой.

— Да! — Уорт стукнул кулаком по столу. Веселый, как правило, голос герцога был полон

гнева. — Думаю, все со мной согласятся, что леди Эмили пала — ниже некуда. Тому, что она сделала, нет оправданий: бросила одного ради другого только из-за более высокого титула. Лично для меня эта женщина больше не существует.

Уорт поднял чрезвычайно большой вопрос, поскольку был больше остальных возмущен поведением леди Эмили, и ему очень хотелось убедиться, знает ли она, что ненароком променяла будущего графа на барона.

— Давайте не будем обсуждать сейчас леди Форсуэлл, — простонал Лукас и закрыл лицо ладонью.

Жизнерадостность вернулась к Уорту вместе с официанткой, которая принесла выпивку.

— Спасибо, любовь моя, — улыбнулся он девушке, после чего снова обратил все свое внимание на друга. — Я всего лишь хочу сказать, что если ты хочешь найти женщину, которая полюбит тебя, а не титул, то мероприятия сезона со всей их претенциозностью — не те места, где это возможно.

— Да, — кивнул Лукас со вздохом и отсалютовал герцогу кружкой. — Разве я не то же самое сказал? Поэтому я и старался избегать всей этой мишуры два года.

— Ах, значит, поэтому игнорировал скучные балы в «Олмаксе»? — Уорт усмехнулся. — А я-то

думал, что всему виной противный чуть теплый чай и светская болтовня ни о чем, из-за чего их всячески избегал я.

— Все знают, что ты не ходишь туда, где не подают бренди, — заявил Белл, глядя в упор на друга.

Уорт подмигнул ему в ответ.

— Не спорю. И еще там нельзя сорвать банк, как у Холистера.

Это был любимый игорный дом Уортингтона, где он и проводил практически все свое свободное время, имел карт-бланш и регулярно то выигрывал, то проигрывал небольшие состояния.

Лукас почесал подбородок и, невидящими глазами уставившись на кружку, пробормотал:

— Если бы в обществе не знали, что я граф, шансов найти пару у меня было бы больше.

Выпивка, очевидно, развязала ему не только язык, но и мысли.

Смех Уортингтона разнесся по всему помещению паба.

— Я бы многое дал, чтобы это увидеть. Граф одевается как простолюдин, чтобы найти истинную любовь. В этом есть что-то экзотическое, не так ли?

Клейтон тоже засмеялся и покачал головой, а Беллингем, склонив голову набок, вполне серьезно заметил:

— А знаете, это не такая уж безумная идея.

— Ты о чем? — не понял Лукас.

— Чтобы переодеться простолюдином и отправиться на поиски жены, — напомнил маркиз.

Уортингтон похлопал друга по плечу и опять расхохотался.

— Ты спятил, старина? Вроде бы даже не пил...

Беллингом вообще не употреблял спиртное. В его кружке было рисовое молоко или еще что-нибудь не менее экзотическое. Он предпочитал держать свои мысли и чувства под контролем, и друзья это знали. Именно он всегда отвечал за то, чтобы они всякий раз добирались до дома благополучно, избегая ненужных встреч с патрулями и университетскими чиновниками в Оксфорде. Маркиз подался вперед и устремил взгляд на Лукаса.

— Если все хорошенько обдумать, это может сработать.

— Нарядиться простолюдином? — Лукас растерянно моргнул. — И что дальше?

— Да его все знают как облупленного, — заметил Клейтон. — Как он может измениться?

— Ты предлагаешь ему надеть маску или изменить внешность? — спросил Уорт, похлопывая себя пальцем по подбородку. Он уже не улыбался, скорее наоборот: всем своим видом выражал серьезность.

Лукас несколько минут в недоумении смотрел на Белла, потом перевел взгляд на Уорта.

— Вы ведь это несерьезно? Как это можно осуществить?

— Нет, речь не о костюме, — пояснил Беллингем. — Я думал скорее о... подходящих обстоятельствах.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался Уортингтон, подавшись вперед.

— Вы меня пугаете, — подал голос Лукас. — Что, действительно всерьез обдумываете, как эта нелепая идея может сработать?

— К примеру, пусть это будет... прием в загородном доме, — предположил Беллингем, обращаясь к Уортингтону и не обращая внимания на замечание Лукаса.

Тот тряхнул головой и прищурился.

— Прием в загородном доме — это хорошо.

— Но это будет не какой-то там прием неизвестно где, конечно, — продолжил Белл. — Его должен устроить один из нас — тех, кто принимает участие в эксперименте.

— Эксперимент? — оживился Клейтон. — Вряд ли мне что-то нравится больше, чем опыты и эксперименты. Кстати, так уж совпало, что я устраиваю ежегодный прием в своем загородном доме и собираюсь разослать приглашения.

Виконт произнес все это таким будничным тоном, словно между прочим, как будто только что не подлил изрядную порцию масла в огонь, медленно, но верно разгоравшийся.

— Эксперимент? Какой эксперимент? — очнулся Лукас.

Беллингем щелкнул пальцами.

— Прием в загородном доме — то, что надо, Клейтон!

— Нет-нет-нет! Подождите! — Лукас, сидевший между Беллом и Уортом, заерзал на стуле. Надо как-то срочно протрезветь. Его друзья, похоже, лишились рассудка, даже Белл, обычно самый уравновешенный и хладнокровный. — Никакой прием в загородном доме не сможет изменить мою внешность. Меня все равно узнают.

— И он прав, — заметил Клейтон, глотнув эля.

Слава богу, хоть он сохранил здравый рассудок и не принимает все эти бредни всерьез.

— Нет, если ты пригласишь дебютанток только этого сезона... — проговорил маркиз, и уголки его губ дернулись в слабой улыбке. — И если создашь правильные обстоятельства...

Лукас глубоко вздохнул и отодвинул кружку.

— Дебютантки меня, возможно, и не знают, зато их мамы — определенно, ведь у многих есть старшие дочери. Это и есть здравый смысл, которого так не хватает нашему разговору.